

Сторож брату моему

Андрей Десницкий

Представьте себе такую ситуацию. Некий верующий человек пригласил к себе домой своих знакомых, чтобы почитать Писание, помолиться, побеседовать. И вдруг - звонок в дверь. Люди в форме, обыск, арест, суд. Приговор гласит: человека оштрафовать, изъятые у него при обыске книги, журналы, видеозаписи христианского содержания - уничтожить. Это вообще-то совсем не строгий приговор,

потому, что его судят в первый раз. Так что пока обойдется без тюремного заключения, но лучше ему в другой раз не попадаться.

Что это, сталинский Советский Союз? Северная Корея? Нет, это повседневная жизнь наших с вами современников, граждан среднеазиатских республик, с которыми нашу страну связывают партнерские и даже союзнические отношения. Причем это не произвол, все эти действия проводятся в строгом соответствии с законом.

Статья 184 (2) Кодекса республики Узбекистан об административной ответственности: «Незаконное изготовление, хранение, ввоз на территорию Республики Узбекистан с целью распространения или распространение материалов религиозного содержания - влечет наложение штрафа на граждан от двадцати до ста, и на должностных лиц - от пятидесяти до ста пятидесяти минимальных размеров заработной платы с конфискацией материалов и соответствующих средств для их изготовления и распространения».

Незаконное хранение, распространение и т.д. - это, например, если у человека больше одной Библии. Или если он въехал на территорию страны с одной-единственной Библией, но выехал без нее. Значит, распространял. И это хорошо еще, если только один раз попался, потому что...

Статья 244 (3) Уголовного кодекса той же республики: «Незаконное изготовление, хранение, ввоз на территорию Республики Узбекистан с целью распространения или распространение материалов религиозного содержания, совершенное после применения административного взыскания за такие же деяния, наказывается штрафом от ста до двухсот минимальных размеров заработной платы или исправительными работами до трех лет».

И ничего специфически узбекского тут нет: в Туркмении подобные законы существовали уже давно, в Киргизии похожий закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» был принят в январе этого года, в Таджикистане закон «О религии и религиозных объединениях» вступил в силу совсем недавно, в марте. Казахстан, слава Богу, стоит в стороне от этих нововведений.

Новые и старые законы различаются в деталях, но в главном схожи. Согласно киргизскому закону, например, чтобы создать религиозную организацию, нужно получить официально заверенные заявления от 200 человек. Если кто-то заболел, переедет в другой город, из-за осторожности или лени вовремя не явится с паспортом в соответствующий орган - регистрация не состоится, любое собрание 199 остальных верующих будет считаться нелегальным. Запрещается распространение религиозной литературы в общественных местах, школах и высших учебных заведениях, запрещается вовлечение детей в религиозные организации (даже с полного согласия родителей), наконец, «настойчивые действия, направленные на обращение верующих одних конфессий в другие». То есть проповедовать Евангелие мусульманам (пусть и номинальным, которые

дорогу в мечеть давно забыли), или даже собственным детям - это теперь в Киргизии строго запрещено.

Правда, пока не очень понятно, насколько строго будет применяться этот закон. Может быть, очень избирательно, как и многие другие законы в нашей Евразии. Но в Туркменистане и Узбекистане получали вполне реальные тюремные сроки за «нарушение религиозного законодательства», например, некоторые протестантские пасторы. И если какой-то туркменский заключенный на основании евангельского «не клянитесь» отказывался приносить обязательную ежедневную клятву верности Родине и Президенту, то его обычно ждал карцер. Впрочем, в Туркмении, вероятно, под давлением мировой общественности, уголовная ответственность за нарушение религиозного законодательства была позднее упразднена, оставлена только административная, но мы же понимаем, как легко одно переходит в другое.

И это вовсе не «перегибы на местах» - это спокойная, осознанная, последовательная политика наших союзников в Средней Азии, в полном соответствии с законами и подзаконными актами. Политика, против которой мы никогда не возражаем и которую предпочитаем просто не замечать. Я не привожу сейчас конкретных фактов, просто потому, что не проводил никаких самостоятельных исследований, но факты эти нетрудно найти в интернете. И я хочу предложить задуматься над простыми вопросами: почему так происходит и к чему это может привести?

Сами среднеазиатские правители утверждают, что эти законы направлены прежде всего против исламского экстремизма. Угроза вполне реальная, если посмотреть на недавнюю историю этих стран, особенно Таджикистана... Но насколько подходит такое средство борьбы с ней? Боюсь, что ровно настолько же, насколько и пункт в визовой анкете, который мне однажды довелось заполнять: «планируете ли вы совершение террористических актов?» Ясно, что никто на этот вопрос не ответит «да», зато чиновники свои тылы прикроют, они же, мол, всех спрашивали, план по предупреждению терроризма выполнен.

Вот и кружок по подготовке исламских (или любых иных) экстремистов по определению нигде не будет регистрироваться в своем подлинном облики. Все эти законы стесняют в основном людей мирных, активных приверженцев нетрадиционных религий. Традиционные еще как-нибудь договорятся, их слишком много, все мечети не закроют, а вот пришлых и вообще слишком активных проповедников легко можно будет прижать, не по одному пункту, так по другому.

А нам-то, собственно, что волноваться? Местные православные (немного их там осталось) вроде бы не чувствуют особых притеснений, а второй экземпляр Библии им как-то и не нужен... Страдают-то в основном баптисты, пятидесятники, иеговисты да слишком рьяные проповедники ислама. Может быть, православным, наоборот, только лучше станет, если для остальных введут строгие ограничения?

На самом деле запреты эти выполняют, главным образом, одну только роль, хорошо знакомую нам и по советским временам: дают государству монополию на людские умы. Или, точнее, дают ему иллюзию такой монополии, ведь мы это помним, кому сейчас около сорока и более того: пусть всё строго запрещено, «но звучит напетое вполголоса, но гремит прочитанное шепотом», как пел А. Галич. Именно на фоне унылой казенщины и строгих запретов оно и гремит, причем вне зависимости от качества и степени истинности этого шепота. «Котора вера гонима, та и правильна», - как говорили наши предки, уходя в тайгу, и уже ни за что не своротить их было с этого пути. И не будет ничего удивительного, если в дальней перспективе такие меры только повысят популярность проповедников

радикального ислама. Как говорил мне один таджик: «Семьдесят лет нас отучали говорить об Аллахе и приучали говорить о Марксе и Ленине, но кто теперь помнит этого Маркса? А вот Аллаха помнят все».

Кроме того, как долго православным оставаться религией терпимого русского меньшинства, никто не знает. Как говорили про нацистский режим: когда приходили за евреями, я не возражал, потому что я не еврей, когда за коммунистами - потому что не коммунист, когда за верующими - потому что не верующий, а когда пришли за мной, то и возражать было уже некому. При каком-то новом повороте государственной политики в этих странах не будет ничего проще, чем применить к православным все те методики, которые так успешно отрабатываются сейчас на протестантах и исламистах.

И, может быть, самое для нас тревожное вот в чем... В Средней Азии сейчас устанавливается определенная модель взаимоотношений государственной власти и Православной Церкви: власть Церкви не мешает и даже отчасти ей покровительствует, но ровно до той поры, пока это никому не заметное меньшинство сидит себе тихо в своих официально зарегистрированных храмах, абсолютно ни во что не вмешивается, всё покорно одобряет и главное, никогда и никому не проповедует Христа.

И будет очень печально, если этот опыт кому-то покажется удачным и востребованным в нашем собственном Отечестве.

<http://www.ioannp.ru/publications/283810>